

Научная статья

УДК 811.111-26

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-132-146

«Песнь об Эарендиле» в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» в аспекте переводческой проблематики

Владимир Алексеевич Афанасьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Нижний Новгород, Россия

svintrups@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3466-0915>

Аннотация

В статье рассматривается специфика поэтического перевода стихотворения Дж. Р. Р. Толкина «Песнь об Эарендиле», входящего в роман «Властелин Колец» и исполняемого непосредственно внутри повествования в качестве оригинального произведения хоббита Бильбо. В первой части работы подробно анализируется роль стихотворения в контексте романа, определяющая восприятие «Песни» как героями романа, так и читателем. Насыщенное деталями и именами собственными, это произведение освещает сюжет о плавании Эарендила, исключительно важный в рамках авторской мифологии Толкина (Легендариума), но остающийся за пределами романа «Властелин Колец» и не до конца понятный обычному читателю, как и хоббиту Фродо: он слышит «Песнь» в особом состоянии на грани сна и яви, вызванном звучащим ранее эльфийским пением. Далее рассматривается, как именно «Песнь» соотносится с этим состоянием Фродо; ключевой особенностью здесь выступает не прямое содержание произведения, но, скорее, его поэтическая форма, в первую очередь составные (как правило, тройные) ассонансы, связывающие конец нечетной строки с началом последующей четной и создающие особый мелодический эффект.

Таким образом, стиховые особенности «Песни об Эарендиле» оказываются исключительно важны при переводе – только сколь возможно полное их воспроизведение позволит создать метрически и фоноэстетически эквивалентный оригиналу текст и произвести на читателя предусмотренное контекстом романа впечатление. В этой связи во второй части статьи четыре русских перевода этого стихотворения (а именно переводы А. А. Кистяковского, И. Б. Гриншпуна, С. А. Степанова, В. Г. Тихомирова) рассматриваются прежде всего с точки зрения передачи стиховой формы. Анализ переводов показывает, что большинство переводчиков склонно менять поэтическую форму в сторону большей свободы (А. А. Кистяковский, В. Г. Тихомиров) или упрощения (И. Б. Гриншпун). Последовательное, хотя и частичное воспроизведение ключевой эвфонической особенности оригинала наблюдается только в переводе С. А. Степанова, однако ряд других переводческих решений в метрическом отношении и на лексическом уровне не позволяет назвать этот перевод вполне соответствующим оригиналу. В заключение автор статьи приводит собственный перевод этого стихотворения, нацеленный на передачу особенностей стиховой формы оригинала.

Ключевые слова

Дж. Толкин, «Властелин Колец», художественный перевод, поэтический перевод, история перевода, стиховедение, поэтика

Для цитирования

Афанасьев В. А. «Песнь об Эарендиле» в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» в аспекте переводческой проблематики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 132–146. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-132-146

© Афанасьев В. А., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3

Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 3

The Song of Earendil from The Lord of the Rings by J.R.R. Tolkien: Translation Issues

Vladimir A. Afanasev

HSE University

Nizhny Novgorod, Russian Federation

svintrups@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3466-0915>

Abstract

This article is concerned with translation issues of *The Song of Earendil* by J. R. R. Tolkien, the poem included in *The Lord of the Rings* and incorporated into the narrative with Bilbo as the internal author and Frodo as the listener. The first part of the research provides detailed analysis of the poem contextual role as well as its perception by the characters and the reader. Imbued with various details and proper names, *The Song* highlights Earendil's voyage, one of the most essential narratives in Tolkien's mythology (the *Legendarium*), however left beyond the bounds of *The Lord of the Rings* and not completely understood by the reader or Frodo, for the latter is listening to the *Song* being in a most peculiar, dreamlike state of mind evoked by elven singing he previously attends to. Frodo's mood correlates not only and not so much with the poem's narrative, but with its style and poetic features, especially the verse form and the rhyme scheme. The latter uses triple assonances as additional rhyme, connecting the clauses of the odd lines with the first halves of the subsequent even lines and bringing forth a notably melodical, 'elvish' impression.

In this respect, the verse form of *The Song of Earendil* takes on particular importance in relation to poetic translation; and retaining the main metrical and phonoaesthetic features of the poem seems necessary for achieving translation equivalence as well as maintaining the effect derived from the context of the novel. These features are considered using the example of four Russian translations of the *Song* (by A. A. Kistyakovsky, I. B. Grinshpun, S. A. Stepanov, and V. G. Tikhomirov). Comparative analysis of these translations shows a tendency for the translators to change the verse form significantly either by using more fluent rhyme schemes and stanzaic structures (as Kistyakovsky or Tikhomirov do), or by simplification (e.g. Grinshpun) and neutralisation of some other poetic features (like the use of proper names). The most consistent, although partial, representation of the original poetic form, can be found in Stepanov's translation only. As for some other translation solutions regarding verse form and vocabulary, they appear to be non-equivalent. At the end of the article, the author presents his own translation of *The Song of Earendil*, aimed at retaining the above listed features of its poetic form.

Keywords

J. R. R. Tolkien, *The Lord of the Rings*, literary translation, poetry translation, translation studies, prosody, poetics

For citation

Afanasev V. A. The Song of Earendil from The Lord of the Rings by J.R.R. Tolkien: Translation Issues. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 132–146. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-132-146

Введение

«Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкина – один из самых проблемных романов в русской переводческой практике. При существовании семи официально изданных переводов, а также более десятка сетевых или неполных, ни один из них не стал «каноничным». Спектр проблем, связанных с воссозданием «Властелина Колец» на русском языке, едва поддается охвату. Между тем в большинстве случаев в поле зрения исследователей попадают трудности, сопряженные с переводом имен собственных, реалий вымышленного мира, паремиологического фонда и других элементов основного (т. е. прозаического) текста, а также социокультурные аспекты перевода. Поэзия в романе, как сама по себе, так и в аспекте переводческой проблематики, рассматривается очень нечасто.

Между тем в романе «Властелин Колец» как особом прозиметрическом единстве [Bartoňková, 2008] поэзия играет исключительную роль. В роман входит более 80 поэтических текстов, разнообразных по жанру, форме, стилю и тематике и фигурирующих непосредственно в повествовании (как правило, это песни, исполняемые персонажами). Многие из этих произведений не просто играют эпизодическую сюжетную роль, выполняя функцию «нарративной разрядки» [Le Guin, 2002. P. 106], но также поддерживают иллюзию реальности изображае-

мого Толкином мира [Лебедева, 2006. С. 17], сообщая прозаическому тексту особую мифопоэтическую глубину и связывая его с масштабной авторской мифологией (т. н. Легендариумом). На фоне Легендариума «Властелин Колец» предстает, по выражению самого Толкина, всего лишь «лучом прожектора» (*a searchlight, as it were, on a brief episode in History, and on a small part of our Middle-earth, surrounded by the glimmer of limitless extensions in time and space* [Tolkien, 1995. P. 412]). Такие связи, далеко не всегда очевидные для неискушенного читателя, рассыпаны по всему тексту (часто на уровне отдельных слов и имен), но именно в стихотворениях и песнях они проявляются особенно ярко. Используя широкий спектр культурно маркированных стихотворных форм [Turner, 2005. P. 156] – от аллитерационного стиха до балладного метра, – Толкин ярко, хотя и фрагментарно, изображает поэтические традиции того или иного народа Средиземья во всем их жанровом и тематическом разнообразии [Kullman, 2013. P. 283]. Толкин использует широкий спектр поэтических форм.

1. Поэтика «Песни об Эарендиле»

Одним из стихотворений, наделенных особой мифологической глубиной, выступает «Песнь об Эарендиле» (*Song of Earendil*). В отличие от большинства других поэтических текстов во «Властелине Колец», написанных специально для романа, она является переработкой сразу нескольких более ранних стихотворений о плавании Эарендила, в частности, *The Voyage of Earendil, the Evening Star* (1914), *Lay of Earendil* (1925) и в особенности *Errantry* (1930). Не вдаваясь в подробности исключительно сложной истории создания «Песни об Эарендиле» (одних только черновиков которой насчитывается не менее 15, причем опубликованная во «Властелине Колец» версия – формально неокончательна [Tolkien, 1993. P. 84]), следует отметить исключительную важность для всего творчества Толкина фигуры полуэльфа Эарендила. Его имя, почерпнутое из древнеанглийской поэмы «Христос», придало мощнейший творческий импульс раннему творчеству Толкина; придуманный им персонаж и связанный с ним сюжет о плавании в Благословенный Край стал, по выражению Т. Шиппи, одним из «лирических ядер» поэзии Толкина [Shippey, 1992. P. 216] наряду с сюжетом о Берене и Лютинэн и некоторыми другими. В рамках Легендариума Эарендил играет эпохальную роль – совершенное им плавание к берегам Валинора в качестве посланника повлекло за собой Войну Гнева, низвержение Моргота и конец Первой Эпохи Средиземья – этим событиям посвящены отдельные главы «Сильмариллиона» и некоторые примыкающие сказания. Более того, «Песнь об Эарендиле» – самое крупное стихотворение во «Властелине Колец» (124 строки) и, пожалуй, наиболее сложное в разных отношениях, не исключая и стихотворной формы.

«Песнь об Эарендиле» в контексте романа «Властелин Колец»

«Песни об Эарендиле» свойственна, по словам Т. Шиппи, «богатая, непрерывная неопределенность» (*rich and continuous uncertainty* [Shippey, 1992. P. 174]) – общий смысл (цель путешествия Эарендила) как будто бы постоянно ускользает от непосредственного восприятия, проявляясь в большей степени через звук и ритм. Обилие незнакомых имен и названий (особенно эльфийских) только усиливает эту недосказанность, «дразня» читательское воображение, в то время как мелодичность стиха в соединении с использованной Толкином особой поэтической формой заставляют читателя отдаться на волю *an endless river of swelling gold and silver* [Tolkien, 2012. Vol. 2. P. 24].

В этом смысле для понимания поэтики «Песни об Эарендиле» оказывается существенной не только формальная организация самого стихотворения (о которой речь впереди), но и контекст повествования – момент исполнения стихотворения в романе. Встречая Бильбо в Каминном зале (а это первая встреча двух хоббитов с самого начала романа), Фродо застаёт его за сочинением песни (Бильбо «застрял» на паре особенно трудных строк и просит помощи Ду-

надана – Арагорна). После диалога Фродо и Бильбо последний удаляется с Арагорном завершать песнь, а сам Фродо начинает вслушиваться в пение эльфов, впадая под его воздействием в особое состояние на грани яви и сна: *At first the beauty of the melodies and of the interwoven words in elven-tongues, even though he understood them little, held him in a spell, as soon as he began to attend to them. Almost it seemed that the words took shape, and visions of far lands and bright things that he had never yet imagined opened out before him; and the firelit hall became like a golden mist above the seas of foam that sighed upon the margins of the world. Then the enchantment became more and more dreamlike, until he felt that an endless river of swelling gold and silver was flowing over him, too multitudinous for its pattern to be comprehended; it became part of the throbbing air about him, and it drenched and drowned him. Swiftly he sank under its shining weight into a deep realm of sleep* [Ibid.].

Можно сказать, что Толкин подготавливает читательское восприятие «Песни об Эарендиле» – приведенное описание чувств Фродо изобилует красочными, но неопределенными образами, отражающими состояние на грани сна и яви (*dreamlike*). Именно в таком «романтическом» и даже, как говорит Т. Шиппи, «китсеанском» состоянии (*in high Keatsian style* [Shippey, 1992. P. 174]) Фродо слышит сочиненную Бильбо песнь: *There he wandered long in a dream of music that turned into running water, and then suddenly into a voice. It seemed to be the voice of Bilbo chanting verses. Faint at first and then clearer ran the words* [Tolkien, 2012. Vol. 2. P. 24].

Фродо даже не уверен, действительно ли он слышит голос Бильбо (вряд ли такой же сладкозвучный, как голоса эльфов) – все это время он сидит с закрытыми глазами как бы во сне. Когда Бильбо спрашивает мнение племянника о своем сочинении, Фродо признается: *'It seemed to me to fit somehow, though I can't explain. I was half asleep when you began, and it seemed to follow on from something that I was dreaming about. I didn't understand that it was really you speaking until near the end'* [Tolkien, 2012. Vol. 2. P. 29]. Творчество Бильбо заслуживает высокую оценку и самих эльфов, которые даже просят хоббита исполнить песнь еще раз (что, по признанию самого Бильбо, происходит нечасто) [Ibid.]. Благодаря подобным оценкам персонажей Толкин словно бы моделирует предполагаемое читательское восприятие песни, которая, по замыслу писателя, должна имитировать эльфийскую поэзию настолько, насколько это возможно на английском языке.

При этом сама песнь внутри романа все же сочинена хоббитом Бильбо, выступающим, таким образом, своеобразным мостиком между обыденной реальностью читателя и неземным, «замыренным» искусством изображенного Толкином эльфийского народа (на посредническую функцию хоббитов не раз указывал тот же Т. Шиппи [Shippey, 1992. P. 209]), в чистом виде едва ли доступном человеческому пониманию. Это подкрепляется и тем, что песни эльфов, вводящие Фродо в волшебный транс, не приводятся напрямую. Только когда Фродо и Бильбо, решившие уединиться и побеседовать в тишине, покидают Каминный зал, звучит знаменитый гимн к Эльберет (*A Elbereth Gilthoniel...* [Tolkien, 2012. Vol. 2. P. 29]) или, что вероятнее, его фрагмент, приведенный уже на эльфийском языке, синдарине, – эти семь строк, в которых сосредоточено даже больше «эльфийскости», нежели во всей многострочной «Песни об Эарендиле», еще сильнее приближают читателя к ощущению эльфийской культуры, одновременно и отдаляя его (вместе с Фродо, который вскоре после этого уходит) от полного слияния с ней, и тем самым показывают его принципиальную невозможность. Это лишь одна из многих вариаций центрального толкиновского мотива – мотива постепенного ухода из мира красоты, волшебства и света.

В более широком контексте само положение песни становится особенно значимым: это первое стихотворное произведение, встречающееся во второй книге романа (т. е. во второй части первой книги, если обращаться к более привычному делению). Беря во внимание мифологическую глубину, особого рода возвышенность (не совсем, впрочем, героическую, а, скорее, элегическую) и даже длину, можно сказать, что «Песнь об Эарендиле» стилистически и тема-

тически подготавливает главу «Совет Эльронда» (A Council of Elrond), с которой начинается ощутимый переход в более мрачный, архаический мир высокой героики [Shippey, 1992. P. 107].

Стиховые особенности

Обращаясь уже непосредственно к тексту «Песни об Эарендиле», еще раз отметим исключительную версификационную сложность произведения, которая играет едва ли не решающую роль в создании упомянутого эффекта «богатой неопределенности» и имитирует эльфийскую поэзию, хотя и не принадлежит ни к одной из трех известных ее форм (verse modes) [Wynne, Hostetter, 2000]. Сам Толкин по-своему гордился изобретенной им стиховой формой [Tolkien, 1993. P. 162]. Ключевые ее особенности можно проследить на примере первой строфы:

Eärendil was a *mariner*
that *tarried* in Arvernien;
he built a boat of *timber felled*
in *Nimbrethil* to journey in...
her sails he wove of *silver fair*,
of *silver* were her lanterns made,
her prow was fashioned *like a swan*,
and *light upon* her banners laid.

(здесь и далее курсив и полужирный мой. – В. А.)

Курсивом выделены добавочные рифмы, связывающие конец нечетной строки с началом последующей четной. В большинстве своем эти рифмы составные (трехсложные) и чаще приблизительные, ассонансные – в отличие от более точных концевых рифм в четных строках (полужирным выделены наиболее заметные созвучия). Получается, что начало четного стиха волнообразно «подхватывает» конец нечетного, создавая особый мелодический эффект, хорошо заметный при чтении. Особой выразительной силы этот эффект достигает, когда в соответствующих позициях оказываются имена собственные на созданных Толкином эльфийских языках – это дополнительно мотивирует потенциально незнакомые читателю слова в контексте стихотворения, ассоциативно проясняя их созвучием:

He saw the Mountain silent rise
where twilight lies upon the knees
of Valinor, and *Eldamar*
beheld afar beyond the seas.

(Эльдамар – на квенья «дом эльдар(ов)», высших эльфов, удаленный от Средиземья.)

В этой связи совершенно неудивительно, что «Песнь» «неким образом подходит» (*fit somehow*) к описанному выше состоянию Фродо; более того, можно утверждать, что это соответствие вызвано в первую очередь не «содержанием» (т. е. сюжетной канвой пересказываемого мифа), в котором Фродо – как и обычный, неподготовленный читатель – вряд ли может многое уяснить, а именно отмеченной эвфонической особенностью, или, скорее, гармонией звука, ритма и поэтического образа. Стало быть, сама стиховая форма произведения становится одной из ключевых его черт – а значит, существенно важна для воспроизведения в переводе.

2. Проблемы перевода «Песни об Эарендиле» (на примере русскоязычных переводов)

На русский язык «Песнь об Эарендиле» переводилась неоднократно – как вместе с романом «Властелин Колец», так и помимо него (чаще в любительских переводах). Переводчики демонстрировали разные подходы, однако в большинстве переводов заметна скорее тенденция к адаптирующему переводу. Множественность переводов позволяет говорить о достаточном *первоначальном* знакомстве русского читателя со стихотворением (и, соответственно, с романом) и вызывает необходимость знакомства более пристального, даже буквального – в понимании М. Л. Гаспарова, который писал: «Буквализм – не бранное слово, а научное понятие. Тенденция к буквализму – не болезненное явление, а закономерный элемент в структуре переводной литературы. Нет золотых середин и нет канонических переводов «для всех». Есть переводы для одних читателей и есть переводы для других читателей. Классические произведения мировой литературы – особенно чужих нам цивилизаций – заслуживают того, чтобы существовать на русском языке в нескольких вариантах: для более широкого и для более узкого круга читателей» [Гаспаров, 1988. С. 61]. В этом смысле по отношению к переводу «Песни об Эарендиле» кажется уместным «очуждающий» подход к переводу, при котором, по выражению Ф. Шлейермахера, «оставляет в покое автора и заставляет читателя двигаться ему навстречу» [Шлейермахер, 2000. С. 134]. Именно в соответствии с таким подходом автором исследования был выполнен перевод этого стихотворения, приведенный в конце статьи.

В настоящей статье мы рассмотрим несколько наиболее значимых переводов – прежде всего с точки зрения трансформации стиховых особенностей, которые становятся, как было показано, одной наиболее существенных черт поэтики самого стихотворения и неразрывно связаны с контекстом исполнения этого произведения внутри романа. Таким образом, относительным критерием верности (коль скоро по отношению к поэтическому переводу нет и не может быть универсального критерия [Эткинд, 1963. С. 39]) здесь будет выступать именно эквивалентность ритма и эвфонических средств, в первую очередь – рассмотренной ранее добавочной рифмы в виде тройных ассонансов. Это также влечет за собой необходимость эквивалентного перевода – или, во всяком случае, сохранение количества строк и объема строф.

При этом, разумеется, не меньшую важность приобретает сколь возможно точное воспроизведение деталей и образов, существенных для истории плавания Эарендила, каким оно представлено в этом стихотворении. Особой задачей в этом смысле становится сохранение имен собственных, имеющих, как было показано, и эвфонический потенциал, а значит важных для воссоздания эквивалентного мелодического эффекта.

Перевод А. Кистяковского (к переводу А. Кистяковского и В. Муравьева)

К переводу стихотворений из «Властелина Колец» А. А. Кистяковский (он перевел все стихотворения из первого тома романа) подходил с довольно большой степенью свободы. С одной стороны, это связано с неполным знанием переводчиком деталей авторской мифологии Толкина, а с другой – проистекает из общего вольного подхода А. Кистяковского к поэтическому переводу, противоположного принципам его коллеги по переводу В. Муравьева. Сам В. Муравьев, по словам его сына, считал, что «в развесело-разухабистых переводах Самуила Яковлевича Маршака многое потеряно, а переводы Кистяковского отчасти следуют этой традиции» [Муравьев, 2012].

Особенности такого переводческого подхода можно проследить уже на первой строфе «Песни об Эарендиле».

Оригинал

Eärendil was a mariner
that tarried in Arvernien;
he built a boat of timber felled
in Nimbrethil to journey in;
her sails he wove of silver fair,
of silver were her lanterns made,
her prow was fashioned like a swan,
and light upon her banners laid.

Перевод А. Кистяковского

В Арверниэне свой корабль
сооружал Эарендил;
на Нимбретильских берегах
он корабельный лес рубил;
из шелкового серебра
соткал, сработал паруса
и серебристые огни
на прочных мачтах засветил;
а впереди, над рябью волн,
был лебедь гордый вознесен,
венчавший носовой отсек.
[Толкин, пер. Кистяковского, Муравьева,
2015. С. 257]

Нетрудно заметить, что перевод на три строки длиннее, т. е. оригинальная строфика (каждая строфа состоит из нескольких четверостиший) не соблюдается, причем в обе стороны – некоторые из последующих строф в переводе короче (например, третья). Разумеется, говорить о последовательном воспроизведении эвфонических особенностей оригинала также не приходится.

А. Кистяковский свободно чередует рифмы разной степени точности, довольно редко связывая конец нечетной строки с началом четной ассонансами, как в оригинале. Иногда возникающие одиночные созвучия вроде «берегах – он корабельный» или «засветил – а впереди» стоит считать скорее исключениями, чем повторяющимся принципом; впрочем, на протяжении всего текста перевода чаще эти ассонансы приходятся на начало строф, ср. напр. начало седьмой строфы (в оригинале она шестая): «Пришелец был переодет / В одежды эльфов, белый цвет / искрился на его плечах, / а эльфы, снявши свой запрет...» [Толкин, пер. Кистяковского, Муравьева, 2015. С. 259]).

В целом же схема рифмовки первой строфы такова: *abcdbdebf*g (курсивом выделена пара приблизительных рифм). В последующих строфах она не повторяется – возможно, отчасти как раз благодаря такой неустойчивости формы, переводчику удается достичь упомянутой «неопределенности», однако средствами, противоположными оригиналу. С большой художественной выразительностью воссоздавая оригинальные образы, А. Кистяковский нередко изменяет, добавляет или опускает детали. Так, например, из процитированных выше строк о лебедь, «венчавшем носовой отсек» (в оригинале это одна строка: *her prow was fashioned like the swan*) следует, что лебедь был носовой фигурой, тогда как оригиналом скорее предполагается, что сам нос корабля был в форме лебедя или лебединой шеи. *Prow* также можно понять расширительно – как судно вообще, т. е. весь корпус корабля был в виде лебедя. В переводе А. Кистяковского встречаются и более значительные смысловые трансформации, и общее впечатление от него (и в особенности фоноэстетическое) трудно назвать сопоставимым с оригинальным.

Перевод И. Гриншпуна (к переводу романа Н. Григорьевой и В. Грушецкого)

Переводам И. Б. Гриншпуна свойственна особенная выверенность стиха, внимание к оригинальной строфике, в некоторых случаях доходящая до эквилинеарности. При этом нередко переводчик приводит текст к более простым и традиционным для русской стиховой культуры формам, нейтрализуя некоторые характерные метрические или фонетические особенности оригинала. Так, например, произошло с аллитерационной поэзией из «Властелина Колец», все образцы которой И. Гриншпун силлабизировал до четырехстопного амфибрахия и опустил аллитерацию (см. напр. «Из Дунхарга утром ненастного дня...» [Толкин, пер. Григорьевой, Грушецкого, 2002. С. 837]). В его переводе «Песни об Эарендиле» тоже происходит подобная нейтрализация стиховой формы.

Оригинал

Eärendil was a mariner
that tarried in Arvernien;
he built a boat of timber felled
in Nimbrethil to journey in;
her sails he wove of silver fair,
of silver were her lanterns made,
her prow was fashioned like a swan,
and light upon her banners laid.

Перевод И. Гриншпуна

Для странствий судно создавал
Скиталец вод Эарендил;
Он прочный остов воздвигал,
Борта и мачты возводил,
Ткал паруса из серебра,
Крепил огни – светить в пути;
Подобьем лебедя была
Резная грудь его ладьи.

[Толкин, пер. Григорьевой, Грушецкого, 2002. С. 391]

Этот фрагмент перевода соответствует оригинальному по числу строк, метру и типу основной рифмовки: И. Гриншпун сохраняет четырехстопный ямб с мужскими окончаниями, как и рифмы в четных строках (почти все точные), однако никак не воспроизводит отмеченные добавочные ассонансы. Простую звукопись, которой богат перевод Гриншпуна (и которая, разумеется, есть и в оригинале помимо тройных ассонансов), не становится их аналогом, поскольку не следует какой-либо повторяющейся схеме. В результате оригинальный эвфонический эффект оказывается во многом утрачен.

Следует также отметить, что в этом переводе также утеряны некоторые важные детали, что видно уже из приведенного отрывка. В нем опущены топонимы Арверниэн (название земель у Нимбретиль) и собственно Нимбретиль (березовый лес у залива Балар) – при этом в несколько больших подробностях описано создание судна. Легкая тенденция к замене конкретных, но семантически непрозрачных для читателя имен на более доступные апеллятивы заметна на протяжении всего текста (она проявляется также в деонимизации, ср. напр. «От скрежетанья ломких льдов» [Там же. С. 382]; в оригинале – «From gnashing of the Narrow Ice»). Это ведет к частичному нарушению «богатой неопределенности»; текст становится более понятным читателю, чем предполагается оригиналом, а значит не вполне вписывается в обозначенный контекст романа и не до конца соответствует состоянию Фродо. Вкупе с упрощением поэтической формы это не позволяет считать перевод И. Б. Гриншпуна эквивалентным оригиналу.

Перевод С. Степанова (к переводу М. Каменкович и В. Каррика)

Создатели единственного комментированного перевода «Властелина Колец» были хорошо знакомы с мифологией Толкина, а также со знаковой для мировой толкинистики монографией Т. Шиппи «Дорога в Средьземелье» (которую также переводили). В этой связи переводам С. А. Степанова, переложившего часть стихотворений из «Властелина Колец», свойственно пристальное отношение к оригинальным образам, знание истории, стоящей почти за каждым именем и при этом внимание к поэтической форме. Не исключением стала и «Песнь об Эарендиле».

Оригинал

Eärendil was a mariner
that tarried in Arvernien;
he built a boat of timber felled
in Nimbrethil to journey in;
her sails he wove of silver fair,
of silver were her lanterns made,
her prow was fashioned like a swan,
and light upon her banners laid.

Перевод С. Степанова

Эарендил был мореход;
он для далеких плаваний
ладью построил **верную**
в **Арверниэнской** гавани.
Серебряными **нитями**
огнистый парус вышил он,
и белогрудым лебедем
бесстрашно в море вышел он.

[Толкин, пер. Каменкович, Каррик, 2015. С. 287].

Уже из первой строфы видно, что переводчик стремится передать созвучие конца нечетной строки с началом четной, пусть не везде и в основном одиночными, однако довольно точными ассонансами. В первом из переводческих комментариев к стихотворению сказано, что «В переводе предпринята попытка сохранить особенности оригинала – приблизительные рифмы, обилие рифм внутренних (часто более точных, чем рифмы в конце строк), трехсложный размер с одними женскими рифмами и т. д.» [Там же. С. 1535]. Хотя обозначение размера стихотворения как «трехсложного, с одними женскими рифмами» некорректно, переводчик точно воспроизводит метр и особенности рифмовки. Выбор дактилического окончания для большинства четных строк не идет вразрез с оригиналом, в котором третья ударная позиция зачастую действительно оказывается сильнее, так что местами четырехстопный ямб с мужскими окончаниями можно воспринять как трехстопный с дактилическими [Russom, 2000. P. 59–60].

С другой стороны, дактилические окончания характерны для русского фольклорного стиха (в особенности эпического) [Гаспаров, 2012. С. 18], и регулярное повторение их, пусть даже в чередовании с мужскими клаузулами, может вызвать у русского читателя устойчивую (и, разумеется, совершенно нерелевантную по отношению к тексту) ассоциацию с былинным или духовным стихом – в особенности когда попадает на прилагательные (напр. «Треща, сдвигался Вечный Лед, / крутились бури снежные; / кругом просторы темные, / огромные, безбрежные...»). Такие ассоциации эпизодически подкрепляются на лексическом уровне («От Вечносумеречных Гор / лампадой ясноликою...», «стею присновысокую / навек она дала ему» и проч.), что может несколько исказить читательское восприятие произведения и навязать слишком явную христианскую символику (известно, что В. Каррик и М. Каменкович сознательно «христианизировали» свой перевод [Семенова]). Впрочем, последовательное, пусть и неполное воспроизведение стиховой формы (в частности, эвфонических особенностей) в переводе С. Степанова, все же может считаться частично эквивалентным оригиналу.

Перевод В. Г. Тихомирова

(под псевдонимом В. Воседой, к переводу В. Волковского и Д. Афиногенова)

Переводы стихов из «Властелина Колец», выполненные В. Г. Тихомировым, отмечены особым вниманием переводчика к мелодике и звуковой ткани стиха. Так, только в его переводе аллитерационные стихотворения из романа остаются, собственно, аллитерационными (разумеется, немаловажную роль здесь играет переводческий опыт В. Г. Тихомирова, в особенности переведенный им «Беовульф» и избранные песни «Старшей Эдды»). Своеобразным образом это отразилось и на «Песни об Эарендиле».

Оригинал	Перевод В. Г. Тихомирова
Eärendil was a mariner that tarried in Arvernien; he built a boat of timber felled in Nimbrethil to journey in; her sails he wove of silver fair, of silver were her lanterns made, her prow was fashioned like a swan, and light upon her banners laid.	Свою ладью Эарендил В Арверниене ладил сам: Сам корабельный лес валил По Нимбретильским по лесам, Соткал он сам на паруса Серебряную полосу; Стяг на ладье серебряный был И лебедь на носу. [Толкин, пер. Волковского, Афиногенова, 2007. С. 382]

С первых же двух строк в глаза бросается корневое созвучие, характерное именно для аллитерационной поэзии в русских переводах того же В. Г. Тихомирова и А. И. Корсуна (далее в тексте перевода встречаются другие примеры подобных аллитераций: ср. напр. «И башенки узорные / **Глядятся в гладь** озерную» [Там же. С. 384]); отдельные строки отмечены сгущением звукописи (**Соткал он сам на паруса**), в дальнейшем нередко перерастающей во внутрен-

ную рифму. В некоторых случаях В. Г. Тихомиров придерживается оригинальной ассонансной рифмовки, как правило, подчеркивая ее большей точностью (хотя и не делая составной):

*И вот, от северной земли
Вдали скитается герой,
Он под звездой и при луне,
Как бы во сне, плывет порой*
[Там же. С. 383].

Местами переводчик усложняет рифмовку, связывая смежные четверостишия – это заметно и в приведенной первой строфе, довольно сильно зарифмованной (схема рифмовки: ababbccac). При этом В. Г. Тихомиров, в отличие от С. Степанова или И. Гриншпуна, не придерживается четкой, повторяющейся схемы – в этом его стратегия схожа с подходом А. Кистяковского. При этом В. Г. Тихомирову удается сохранить почти все имена и выразительно передать образы – иногда, впрочем, сгущая и излишне гиперболизируя; так, например, Эарендил (sic) назван «ничтожным рабом земли», чему в оригинале прямого и даже косвенного соответствия нет, и что, пожалуй, несколько нарушает образ героя «Песни». Тем не менее перевод В. Г. Тихомирова можно считать фоноэстетически более адекватным оригиналу при меньшей эквивалентности общей поэтической формы, нежели у С. Степанова.

Заключение и перевод автора статьи

Рассмотрев четыре перевода «Песни об Эарендиле», можно прийти к выводу, что стиховые особенности оригинала все же не получают полноценного отражения в переводе (хотя перевод С. Степанова в этом отношении оказывается формально ближе остальных), а значит основная переводческая проблема по отношению к этому тексту еще не решена. Решение ее остается задачей будущих переводов романа «Властелин Колец», необходимость которых не вызывает сомнений.

В заключение автор статьи хотел бы предложить свой перевод этого стихотворения, нацеленный именно на воспроизведение его формальных особенностей и в первую очередь добавочных ассонансов. Конечно, ради этого приходится местами жертвовать естественностью («моремемер» в самой первой строке вместо более привычного «морехода»); кроме того, большинство ассонансов все-таки двусложные, а не трехсложные (отчасти это компенсируется точными рифмами). Тем не менее, автор статьи надеется, что такая попытка все же иллюстрирует возможность создания метрически и эвфонически эквивалентного перевода «Песни об Эарендиле» на русском языке.

Song of Earendil – оригинал

Eärendil was a mariner
that tarried in Arvernien;
he built a boat of timber felled
in Nimbrenthil to journey in;
her sails he wove of silver fair,
of silver were her lanterns made,
her prow was fashioned like a swan,
and light upon her banners laid.

In panoply of ancient kings,
in chainéd rings he armoured him;
his shining shield was scored with runes

Песнь об Эарендиле – перевод

Был Эарендиль моремемер,
в Арверниэнской гавани
он из деревьев Нимбретиль
ладью срубил для плаваний;
вид лебедя придал он ей,
ветрило серебром расшил,
висели оборт фонари,
во флагах луч зари застыл.

Облекся в латы королей:
старинных дней броня его,
а щит был рунами убран,

to ward all wounds and harm from him;
 his bow was made of dragon-horn,
 his arrows shorn of ebony;
 of silver was his habergeon,
 his scabbard of chalcedony;
 his sword of steel was valiant,
 of adamant his helmet tall,
 an eagle-plume upon his crest,
 upon his breast an emerald.

Beneath the Moon and under star
 he wandered far from northern strands,
 bewildered on enchanted ways
 beyond the days of mortal lands.
 From gnashing of the Narrow Ice
 where shadow lies on frozen hills,
 from nether heats and burning waste
 he turned in haste, and roving still
 on starless waters far astray
 at last he came to Night of Naught,
 and passed, and never sight he saw
 of shining shore nor light he sought.
 The winds of wrath came driving him,
 and blindly in the foam he fled
 from west to east and errandless,
 unheralded he homeward sped.

There flying Elwing came to him,
 and flame was in the darkness lit;
 more bright than light of diamond
 the fire upon her carcanet.
 The Silmaril she bound on him
 and crowned him with the living light
 and dauntless then with burning brow
 he turned his prow; and in the night
 from Otherworld beyond the Sea
 there strong and free a storm arose,
 a wind of power in Tarmenel;
 by paths that seldom mortal goes
 his boat it bore with biting breath
 as might of death across the grey
 and long forsaken seas distressed;
 from east to west he passed away.

Through Evernight he back was borne
 on black and roaring waves that ran
 o'er leagues unlit and foundered shores
 that drowned before the Days began,
 until he heard on strands of pearl

от разных ран храня его;
 был в лук драконий рог согбен,
 пошел эбен на древки стрел,
 нагрудник – в серебре явлен,
 на ножнах халцедон пестрел;
 был тверд его клинок стальной,
 шелом литой – алмазных руд,
 и гребень из орлиных крыл,
 в груди искрился изумруд.

Морскую даль он бороздил
 в луче светил и под Луной,
 в заклятых путаясь путях,
 забыв о днях стези земной.
 Он скрежетанье Тесных Льдов,
 где тень – покров для стылых скал,
 пустынь, где жара тяжек гнет, –
 минул, но вот, он заплутал
 в беззвездных водах далеко,
 волной влеком, в Ночную Тьму
 заплыл – не увидеть вовек
 ни белый берег, ни свет ему.
 Поднялся ураган жесток,
 впотьмах к востоку повернуть
 пришлось скитальцу, и без сил
 он вспять стремил безвестный путь.

Но Эльвинг на крыле к нему
 слетела; тьму огонь прогнал,
 светлее адаманта он
 в кулоне у нее пылал.
 И возложила Сильмариль,
 и озарили лоб лучи,
 и взялся за правило он,
 вновь силы полн; тогда в ночи
 из Мира за Морем, велик,
 свободен, дик, – явился шквал,
 могучий ветер с Тарменель;
 в края, где смертный не бывал,
 повлек ладью через валы,
 лишь мертвой мглы был полог снят
 и мрак морей рассеян был;
 и се – отплыл он на закат.

В Бездонной Тьме корабль мчал,
 вокруг, рыча, чернел бурун
 над берегом, что почил в бою
 с пучиною до Первых лун.
 Но вот, на взморье, где прибой

where ends the world the music long,
where ever-foaming billows roll
the yellow gold and jewels wan.
He saw the Mountain silent rise
where twilight lies upon the knees
of Valinor, and Eldamar
beheld afar beyond the seas.
A wanderer escaped from night
to haven white he came at last,
to Elvenhome the green and fair
where keen the air, where pale as glass
beneath the Hill of Ilmarin
a-glimmer in a valley sheer
the lamplit towers of Tirion
are mirrored on the Shadowmere.

He tarried there from errantry,
and melodies they taught to him,
and sages old him marvels told,
and harps of gold they brought to him.
They clothed him then in elven-white,
and seven lights before him sent,
as through the Calacirian
to hidden land forlorn he went.
He came unto the timeless halls
where shining fall the countless years,
and endless reigns the Elder King
in Ilmarin on Mountain sheer;
and words unheard were spoken then
of folk of Men and Elven-kin,
beyond the world were visions showed
forbid to those that dwell therein.

A ship then new they built for him
of mithril and of elven-glass
with shining prow; no shaven oar
nor sail she bore on silver mast:
the Silmaril as lantern light
and banner bright with living flame
to gleam thereon by Elbereth
herself was set, who thither came
and wings immortal made for him,
and laid on him undying doom,
to sail the shoreless skies and come
behind the Sun and light of Moon.

From Evereven's lofty hills
where softly silver fountains fall
his wings him bore, a wandering light,

клубит волной, топаз, опал
и золото, и перл катя,
напев протяжный зазвучал.
Гора воздвиглась в синеве –
то тени вечера легли
на Валинор, и Эльдамар
узрел он маревом вдали.
Так странник прибыл наконец,
ночей беглец, ко пристани
в Край эльфов, зелен и лучист,
там воздух чист, стеклисто свет,
что у Горы, где Ильмарин,
в глуби долин блестя меж гор,
струит из башен Тирион,
перетворен окном озер.

Там отдыхал он от пути
и песни дивные учил,
и мудрецам внимал, и в дар
златые арфы получил.
Его в эльфийски-белый цвет
одеи – свет семи огней
по Калакириану влек
к чертогам за пределом дней.
Вступил он в безначальный Зал,
что озарял бесчисленно лет,
бессменным Королем храним,
весь Ильмарин, Горы дворец;
тогда без слов был изречен
судьбы Племен обширный сказ,
в виденьях участь претворя
запретных, для замирных глаз.

Корабль он наново обрел,
борта и гол – все из стекла
эльфийского, а нос – митриль,
но без ветрила и весла:
и светочем стал Сильмариль,
и флаг хранил живой пожар,
возженный Эльберет самой,
своей рукой явила в дар
скитальцу вечные крыла
и обрекла его на рок:
в безбрежной тверди впредь утра
за Солнцем править путь высок.

Тогда с Холмов Вечерних он,
где вечен звон серебристых струй,
над стенами Охранных Гряд,

beyond the mighty Mountain Wall.
From a World's End there he turned away,
and yearned again to find afar
his home through shadows journeying,
and burning as an island star
on high above the mists he came,
a distant flame before the Sun,
a wonder ere the waking dawn
where grey the Norland waters run.

And over Middle-earth he passed
and heard at last the weeping sore
of women and of elven-maids
in Elder Days, in years of yore.
But on him mighty doom was laid,
till Moon should fade, an orbéd star
to pass, and tarry never more
on Hither Shores where Mortals are;
for ever still a herald on
an errand that should never rest
to bear his shining lamp afar,
the Flammifer of Westernesse.

воспрянул, искрою сверкнув.
От Края Мира прочь влеком,
далекий дом он захотел,
увидеть, проникая мрак;
взмерцал он, как звезда, взлетел
и устремил из мглы небес
огонь чудес предзоровых,
свет нерожденного утра,
на Север, к Странам вод седых.

Парил над Средиземьем он,
эльфийских жен и дев людей
заслышал плач, что не смолкал
в лета начал, средь Древних Дней.
Но гнел его могучий рок,
и он не мог на Здешний берег,
юдоль смертей, сойти – пока
Луна ярка и долог век.
И так без устали плывет
все вдаль, звездую осиян,
предвестник света – навсегда
Пламенедар Закатных Стран.

Список литературы

- Гаспаров М. Л.** Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012.
- Гаспаров М. Л.** Брюсов и буквализм // Поэтика перевода. М.: Радуга, 1988. С. 29–62.
- Лебедева Е. А.** Ономастикон произведения Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец»: структурный, семантический и функциональный аспекты: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2006.
- Семенова Н. Г.** «Властелин Колец» в зеркале русских переводов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/seменова.shtml> (дата обращения: 20.01.2023).
- Эткинд Е. Г.** Поэзия и перевод. М.-Л.: Советский писатель, 1963.
- Шлейермахер Ф.** О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2000. № 2. С. 127–145.
- Bartoňková, D.** Prosimetrum, The Mixed Style, in *Tolkien's Work The Lord of the Rings* // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university*, 2008. № 13. Pp. 5–21.
- Kullman, T.** Poetic Insertions in Tolkien's *The Lord of the Rings* // *Connotations*. Vol. 23. 2013/2014. № 2. Pp. 283–309.
- Le Guin, U. K.** *Rhythmic Pattern in The Lord of the Rings / Meditations on Middle-earth: New Writing on the Worlds of J.R.R. Tolkien* / ed. K. Haber. New York, St. Martin's Press, 2001. Pp. 101–116.
- Russom, G.** *Tolkien's Versecraft in The Hobbit and The Lord of the Rings* / J. R. R. Tolkien and His Literary Resonances: Views of Middle-earth / ed. G. Clark, D. Timmons. Westport, CT, Greenwood Press, 2000. Pp. 53–69.
- Shippey, T. A.** *The Road to Middle-earth*. L.: HarperCollins, 1992.
- Turner, A.** *Translating Tolkien. Philological Elements in The Lord of the Rings* [text]. Frankfurt am Main: Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2005.
- Wynne, P.; Hostetter, C. F.** Three Elvish Verse Modes: Ann-thennath, Minlamad thent / estent, and Linnod. // *Tolkien's Legendarium: Essays on The History of Middle-earth*. Greenwood Press, 2000. Pp. 113–120.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Tolkien, J. R. R.** *The Lord of The Rings*. In 7 volumes. London, HarperCollins, 2012.
- Tolkien, J. R. R.** *The Letters* / ed. H. Carpenter. London, HarperCollins, 1995.
- Tolkien, J. R. R.** *The Treason of Isengard* / ed. Ch. Tolkien. London, HarperCollins, 1993.
- Муравьев А. В.** Интервью 12.12 [Электронный ресурс] // Нескучный сад, №1(72), 2012. URL: <http://www.nsad.ru/articles/tolkin-ostavil-podrobnyie-rekomendacii-cto-i-kak-perevodit> (дата обращения: 14.12.2022).
- Толкин Дж. Р. Р.** *Властелин Колец* / Пер. с англ. А. Кистяковского, В. Муравьева. М.: АСТ, 2015.
- Толкин Дж. Р. Р.** *Властелин Колец* / Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 187–1131.
- Толкин Дж. Р. Р.** *Властелин Колец* / Пер. с англ., предисл., коммент. М. Каменкович, В. Каррика. М.: АСТ, 2015.
- Толкин Дж. Р. Р.** *Властелин Колец* / Пер. с англ. В. Волковского, Д. Афиногенова / Толкин Дж. Р. Р. *Полная история Средиземья*. М.: АСТ; СПб.: TerraFantastica, 2007.

References

- Gasparov, M. L.** *Metre and Sense*. Moscow, Fortunal EL, 2012. (in Russ.) **Gasparov, M. L.** *Bryusov and Literalism // The Poetics of Translation*. Moscow, Raduga, 1988. Pp. 29–62. (in Russ.)
- Lebedeva, E. A.** *The Onomasticon of the Lord of the Rings by J. R. R. Tolkien: structural, semantical and functional aspects*. Abstract dissertation for Candidate of Philological Sciences degree seeking applicant. 10.02.19. Rostov-on-Don, 2006. (in Russ.)
- Semenova, N. G.** *The Lord of the Rings in the Mirror of Russian Translations*. [Online]. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/semenova.shtml> (accessed on: 20.01.2023). (in Russ.)
- Etkind, E. G.** *Poetry and Translation*. Moscow, Leningrad, Sovietsky pisatel, 1963. (in Russ.)
- Schleiermacher, F.** *On the Different Methods of Translating // Vestnik Moskovskogo universiteta*. Vol. 9: Philology. 2000. No. 2. Pp. 127–145. (in Russ.)
- Bartoňková, D.** *Prosimitrum, The Mixed Style, in Tolkien's Work The Lord of the Rings // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university*, 2008. No. 13. Pp. 5–21.
- Kullman, T.** *Poetic Insertions in Tolkien's The Lord of the Rings // Connotations*. Vol. 23. 2013/2014. No. 2. Pp. 283–309.
- Le Guin, U. K.** *Rhythmic Pattern in The Lord of the Rings / Meditations on Middle-earth: New Writing on the Worlds of J.R.R. Tolkien* / ed. K. Haber. New York: St. Martin's Press, 2001. Pp. 101–116.
- Rusom, G.** *Tolkien's Versecraft in The Hobbit and The Lord of the Rings / J. R. R. Tolkien and His Literary Resonances: Views of Middle-earth* / ed. G. Clark, D. Timmons. Westport, CT: Greenwood Press, 2000. Pp. 53–69.
- Shippey, T. A.** *The Road to Middle-earth*. L.: HarperCollins, 1992.
- Turner, A.** *Translating Tolkien. Philological Elements in The Lord of the Rings [text]*. Frankfurt am Main: Europaischer Verlang der Wissenschaften, 2005.
- Wynne, P.; Hostetter, C. F.** *Three Elvish Verse Modes: Ann-thennath, Minlamad thent / estent, and Linnod. // Tolkien's Legendarium: Essays on The History of Middle-earth*. Greenwood Press, 2000. Pp. 113–120.

List of Sources

- Tolkien, J. R. R.** *The Lord of The Rings*. In 7 volumes. London, HarperCollins, 2012.
- Tolkien, J. R. R.** *The Letters* / ed. H. Carpenter. London: HarperCollins, 1995.

- Tolkien, J. R. R.** The Treason of Isengard / ed. Ch. Tolkien. London, HarperCollins, 1993.
- Muraviev, A. V.** Interview from 12.12 [Online] // Neskuchny sad, №1(72), 2012. URL: <http://www.nsad.ru/articles/tolkin-ostavil-podrobnye-rekomendacii-chto-i-kak-perevodit> (accessed on: 14.12.2022). (in Russ.)
- Tolkien, J. R. R.** The Lord of the Rings / translation by A. Kistyakovsky, V. Muraviev. Moscow, AST, 2015. (in Russ.)
- Tolkien, J. R. R.** The Lord of the Rings / translation by N. Grigorieva, V. Grushetsky. St. Petersburg, Azbuka-classika, 2002. Pp. 187-1131. (in Russ.)
- Tolkien, J. R. R.** The Lord of the Rings / translation by M. Kamenkovich, V. Karrik. Moscow, AST, 2015. (in Russ.)
- Tolkien, J. R. R.** The Lord of the Rings / translation by V. Volkovsky, D. Afinogenov. Moscow, AST; St. Petersburg, TerraFantastica, 2007. (in Russ.)

Информация об авторе

Афанасьев Владимир Алексеевич, аспирант, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Information about the Author

Vladimir A. Afanasev, post-graduate student, National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod)

*Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 12.05.2023*

*The article was submitted 01.03.2023;
approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 12.05.2023*